

УДК 321.61(436)+070(410)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-4-95-106

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

GELLA T.N., Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University, Orel, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ГАБСБУРГИ НА СТРАНИЦАХ БРИТАНСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 1861 ГОДА

AUSTRIAN EMPIRE AND THE HABSBURGS ON THE PAGES OF THE BRITISH PERIODIC PUBLICATIONS 1861

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение Австрийской империи и Габсбургов на страницах британских периодических изданий 1861 года. Австрийская империя и правящая в ней династия Габсбургов середины XIX века неизменно находились в центре внимания европейской общественности. Австрия была предметом обсуждения английских журналистов, посвятивших свои публикации вопросам роли и места Габсбургов в австрийской и европейской истории, экономическому и политическому положению страны в начале 60-х годов, росту антиавстрийских настроений на ее многочисленных национальных окраинах, а также венгерскому национальному движению. В статье на примере анализа среза публикаций по австрийской проблематике только за один 1861 год предпринята попытка с имагологических позиций уточнить процесс формирования образа «другого» в английском обществе.

Ключевые слова: Австрийская империя, Габсбурги, The Spectator, The Westminster Review, неоабсолютизм, Франц Иосиф, Венгрия.

Abstract. The purpose of the article is to review the Austrian Empire and the Habsburgs in the pages of the British periodicals of 1861. The Austrian Empire and the Habsburg dynasty ruling in it in the middle of the 19th century. have always been in the center of attention of the European public. Austria was the subject of discussion by British journalists who devoted their publications to the role and place of the Habsburgs in Austrian and European history, the economic and political situation of the country in the early 60s, the growth of anti-Austrian sentiments in its many national outskirts, as well as the Hungarian national movement. In the article, using the example of the analysis of a slice of publications on Austrian problems in only one year – 1861, an attempt is made from an imagological point of view to clarify the process of forming the image of the «other» in English society.

Keywords: Austrian Empire, Habsburgs, The Spectator, The Westminster Review, neo-solutism, Franz Joseph, Hungary.

ВВЕДЕНИЕ

В середине XIX века Австрийская империя представляла собой конгломерат народов, различных по уровню экономического развития, политического и национального самосознания и пестроте этнического состава, объединенных в имперские границы единого государства в центре Европы. Револю-

ция 1848–1849 гг. стала своеобразным потрясением для австрийских правящих кругов. Во-первых, она привела к смене монархов. В декабре 1848 года на австрийский престол возшел 18-летний Франц Иосиф, правящий в стране вплоть до 1916 года. В отечественной исторической науке этого монарха характеризуют как правителя, не «отличающегося

особыми талантами», который «скорее был первым чиновником своего государства, педантично вникавшим во все мелочи управления» [5, С. 267; 6, С. 512]. Во-вторых, свою главную задачу он видел в сохранении единства Австрийской империи. Таким образом, идея династического единства превалировала в его политическом курсе. Это объясняет то, что сразу после подавления революционных выступлений и расправы над венгерской революцией с помощью царских войск Николая II (1849 год) в стране были сделаны шаги по восстановлению дореволюционных порядков, в частности в 1851 году была отменена Конституция, принятая в годы революции, и восстановлен абсолютизм.

Период с 1851 по 1859 год вошёл в историю Австрийской империи как период неоабсолютизма. Систему управления, установившуюся в эти годы, часто называют «баховской системой» по имени ее автора – А. Баха. Суть ее сводилась к созданию сильного централизованного государства с единой финансовой и таможенной системой, единой армией, к ликвидации границ между австрийскими и неавстрийскими территориями. Реализации этой системы управления во многом способствовали реформы А. Баха в таможенной, судебной и административной областях, мероприятия по упорядочению торговой и финансовой политики, введение единой налоговой системы, а также проведение реформы в сфере образования. Однако достичь полностью желаемых результатов не получилось, так как буржуазные по своему содержанию реформы проводились абсолютистскими методами, да и сохранение ряда феодальных пережитков и разнородность национального состава населения не благоприятствовали успеху. Положение в стране обострилось с началом франко-итало-австрийской войны 1859 года, которая принесла поражение австрийским войскам и закончилась потерей для Австрии Ломбар-

дии, а также ликвидацией ее влияния в центральных итальянских герцогствах – Парме, Модене и Тоскане. Начало 60-х гг. Австрия встретила, столкнувшись с рядом серьезных проблем. Именно экономическое и внутри- и внешнеполитическое состояние Австрийской империи в 1861 году стало объектом обсуждения на страницах британских периодических изданий.

В данной статье ставится задача проведения анализа публикаций в двух британских периодических журналах – *The Spectator* и *The Westminster Review*, посвященных австрийским событиям 1861 года. Интерес англичан к европейским континентальным странам был постоянным, но степень освещённости тех или иных событий варьировалась. В связи с этим интерес представляет проблема изучения на примере австрийской фактологии избирательности презентуемого британскими журналистами материала, степени его субъективности и объективности и т.д., а как следствие этого, влияния публикаций на формирование у англичан образа «другого» и собственно английского менталитета.

В рассматриваемый период в Великобритании издавалось достаточно много различных по направленности периодических изданий и газет. В центре нашего внимания два журнала. Первый – британский политический журнал-еженедельник *The Spectator* («Зритель») – был основан в 1828 году шотландским реформистом Робертом Ринтоулом, выступавшим за свободу прессы, самовыражения и торговли. Журнал специализировался на публикации и анализе новостей из сфер политики и культуры. Второй журнал – ежеквартальный *The Westminster Review* – издавался с 1823 по 1914 год и был основан как официальный орган философских радикалов.

50-е годы XIX века в истории Австрийской империи нашли отражение на страницах этих

английских изданий. Так, журнал *The Westminster Review* охарактеризовал проводимую Габсбургами политику в эти годы как «католическую, абсолютистскую и немецкую, то есть прямо противоположную религиозным, политическим и национальным устремлениям нашего времени» [9, Р. 504]. Как отмечалось выше, к 1861 году Империя Габсбургов представляла собой многонациональное государство, переживающее серьезные проблемы во внутри- и внешнеполитических областях. Кризис обострился и углубился еще больше после поражения Австрии в войне с Пьемонтом и Францией в 1859 году. В том же номере данного журнала отмечалось, что «события этой короткой войны поразили Европу не меньше, чем памятный разгром в 1849 году. Все усилия правительства (австрийского – *Т. Г.*) в течение десяти лет были сосредоточены на армии, главной движущей силе его централизующей политики, и при первом же испытании она сломалась» [9, Р. 509]. *The Spectator* также не остается в стороне, и в февральском номере журнала приводится картина кризисной ситуации в стране. В частности, в статье отмечается, что Австрийская империя стоит на краю гибели, так как она уже потеряла Ломбардию, с Венецией также существуют проблемы, и она не «может считаться источником жизненной силы». Венгрия готова вновь призвать к оружию, а польские территории «возбуждены национальной «идеей». Даже Тироль, который был «всегда верным», частично склонен присоединиться к Италии. Более того, «наследственные государства требовали привилегий и представительства» (речь идёт о Чехии, Моравии и австрийской Силезии – *Т. Г.*). Всё это усугублялось неблагоприятным состоянием в финансовой сфере, сложной атмосферой в армии, а также тем, что «средний класс был возмущен налогами, крестьянство было раздражено национальным поражением...». Бывшие союзники Ав-

стрии не желали вмешиваться в ее дела [8, pt. 1, 9 Febr., P. 136].

Однако, как считает *The Spectator*, ситуация не так страшна, как кажется. Что касается финансовых затруднений, то он пишет, что «денег всё еще достаточно, чтобы обеспечить снаряды», и известны примеры того, как Империя успешно переживала банкротство. Журнал указывал на следующие черты ее экономического, а скорее, финансового состояния: администрация, «пусть запоздалая и плохая», всё равно дешевая; отсутствие колоний, которые требовали денежных затрат; армия стоит меньше, чем в любой другой державе, кроме России; гражданская служба, пожалуй, единственная в Европе, которая может какое-то время обходиться вообще без жалованья; долг, каким бы тяжелым он ни казался, мог быть обеспечен на время без каких-либо более жестких мер, чем секвестр церковных земель; остается неисчерпанным могучий ресурс косвенного налогообложения на научных принципах, так как при тридцатимиллионном населении таможенные доходы Австрии меньше, чем у некоторых частных английских фирм. И, пока существует и набирается армия, маловероятно, что немецкое население выступит против трона. Что же касается интеллигенции, или, как в журнале пишут, «культурных классов», то они «отнюдь не единодушны в своем желании довести дело до гражданской войны». И если аристократия и «немногие образованные люди» и стремятся к свободе, то они не желают, чтобы Австрия потеряла свой статус «первоклассной державы» [8, pt. 1, 9 Febr., P. 136–137].

Но, как бы то ни было, страна стояла на пороге серьезных преобразований. В центре внимания британских журналистов были национальный вопрос и попытки венского правительства конституционным путём ослабить растущее антиавстрийское настроение на немецких территориях Империи.

Англичан привлекает династия Габсбургов как таковая. На страницах *The Westminster Review* мы находим довольно положительные отзывы о самих представителях этой династии. «Ни один царствующий Дом не может похвастаться такой непрерывной чередой самых любезных, доброжелательных, честных и справедливых людей в частной жизни (как Габсбургский дом – *Т. Г.*). Они внушали настоящую привязанность всем, кто ежедневно с ними общался <...>» [9, Р. 505], – пишут журналисты. Надо отметить, что роль династии Габсбургов в истории страны отмечают и историки XX века. Так, известный британский исследователь А. Тейлор писал следующее: «Ни одна фамилия (династия) не существовала так долго и не оставила такой глубокий след в Европе: Габсбурги были величайшей династией современной истории, и история Средней Европы вращалась вокруг них, а не наоборот» [Цит. по: 2, С. 12]. С этим высказыванием соглашается и отечественный историк Т. М. Исламов, который утверждает, что Габсбурги «сделали» Австрийскую империю. По его мнению, «...средне-европейская Империя была сотворена волею, умом, чаще ловкостью, хитростью, изворотливостью, но также и последовательной целеустремленностью нескольких поколений Австрийского дома – фамильной чертой габсбургской династии. Империя была произведением династии, она возникла благодаря ей и пала вместе с ней» [2, С. 12].

Однако в начале 60-х гг. XIX века английские журналисты отмечали, что существовал «вопиющий» контраст между личным характером монархов и их политикой. И причину такого противоречия они видели «в той семейной вере в Божественное право, которой должно подчиняться всё остальное, даже хорошие качества монархов». Эта жесткая вера была и оставалась краеугольным камнем всей политики Австрии, утверждали британские современники [9, Р. 506]. И они не

останавливались перед серьезной критикой этой политики.

С одной стороны, они старались обрисовать тот контур взаимоотношений, который сложился в Империи на протяжении длительного времени к моменту рассматриваемых событий. Так, говоря об административной структуре Империи, *The Westminster Review* отмечает, что каждая из ее провинций существовала как нация, сохранялись традиции «национального существования», и вся «восточная группа» (восточные славянские и неславянские территории Империи – *Т. Г.*) «всё еще обладала всеми существенными чертами свободного правления». В связи с этим делается вывод о том, что «ни физическая, ни моральная сила немецкого элемента не была рассчитана на то, чтобы формировать других по своему образу и подобию...» [9, Р. 507]. Такое заявление было явным преувеличением, поскольку политика онемечивания, особенно навязывания немецкого языка, проводилась венским правительством всегда, что вызывало крайнее недовольство ненемецкого населения страны. И сами же журналисты в этой же публикации помещали прямо противоположный приведённому выше высказыванию тезис о том, что «мания германизации была не нова, но она держалась в рамках, пока сохранялась связь с Германией», и попытки возобновить ее повлияли на происходящие в Империи рассматриваемые события [9, Р. 506]. Англичанами высказывалось предположение, что единство немецких и других «различных элементов» могло заключаться в свободном развитии национальных устремлений каждого из них. При таких условиях «австрийская династия могла бы играть роль Пьемонта в Италии, России на Востоке, а в Германии – роль, которую ещё предстоит сыграть», пишет *The Westminster Review*. Однако, этого не случилось, и причину журналисты видят в «устаревших представлениях о Божествен-

ном праве государей» и «односторонних узколобых немецких традициях» [9, P. 507].

Надо отдать должное британским журналистам в их подчас довольно объективных оценках политических действий венского правительства. И это в первую очередь касается ее национальной политики. Они открыто заявляют, что «...Австрия стала притчей в языцах для всех наций, их самым систематическим и настойчивым врагом...» [9, P. 508]. Они обосновывают это заявление тем, что династия делала всё, что было в ее силах, чтобы проводить свою собственную политику, возбуждая и разжигая раздоры между различными расами, и таким образом способствовала, главным образом, разрушению своей собственной цели – единства Империи.

Значительное внимание англичан привлекали действия Вены в области конституционных преобразований. В октябре 1860 года был принят проект новой Конституции под названием Октябрьский диплом, согласно которому восстанавливались сеймы и ландтаги, т.е. представительные органы в провинциях Империи, с расширенными функциями в решении местных вопросов. Таким образом, землям Империи предоставлялось самоуправление в решении тех вопросов, которые не относились к сфере общенациональных. Венгрия получила возможность восстановить комитатскую систему, венгерский язык объявлялся официальным языком [Подробнее см.: 3, С. 212–213; 5, С. 516]. Но публикация этого документа не нашла понимания у различных народов империи, антиавстрийские выступления продолжались, росло всеобщее недовольство венским двором. Как отмечает Е. В. Котова: «...Октябрьский диплом не только не успокоил страсти, но и явился новым стимулом для выдвижения национальных требований. Кризисная ситуация обострилась до предела» [5, С. 517]. И тогда имперское правительство идет на следующий шаг: 23 февраля

1861 года публикуется новый акт, получивший название «Февральский патент». Как охарактеризовал его Л. М. Василевский, «этот акт был первой введенной в действие австрийской конституцией» [1, С. 12]. «Февральский патент» предусматривал создание двухпалатного парламента – рейхсрата, состоящего из палаты господ и палаты депутатов, избираемой провинциальными сеймами и ландтагами. Кстати, при обсуждении европейских событий в британском парламенте в мае 1861 года депутаты палаты общин в целом доброжелательно высказались о конституционных шагах венского двора. Суть выступлений английских коммунеров сводилась к следующему: Австрию не надо рассматривать как страну деспотическую: она предоставила своим провинциям автономию и самоуправление в гораздо больших масштабах, чем сами англичане предоставили бы Шотландии или Уэльсу, и гораздо больше независимости, чем Вестминстер готов был дать Ирландии; Австрию следует поощрять и подбадривать на пути конституционной реформы и не выдвигать ей требований, которые она бы не смогла выполнить; император Австрии изменил институты своей страны и дал своему народу Конституцию, основанную на свободных принципах, поэтому англичане не могли не радоваться тому, что «принципы представительного правления признаны, и что представители народа собраны вместе», и что им будет предоставлено право решать вопросы, касающиеся налогов и расходов, что является «зародышем свободного представительного правительства» [7, Col. 162].

The Westminster Review предрекает этой новой австрийской конституции «раннюю смерть», если она уже не была «полностью мертворожденной». Династия придерживалась принципа «разделяй и властвуй». Поэтому сомнение у журнала вызывало отсутствие желания разнородных элементов, из которых состояла Австрийская империя, «ко-

гда-либо работать вместе в общем представительном собрании», с одной стороны, а с другой – способность Габсбургской династии «перекинуть мост через широкое ущелье, разделяющее восточную группу, включая Венгрию и ее коронные земли, и привести к гармонии» людей, столь различных по законам, обычаям, языку и идеям [9, P. 519]. Но именно благодаря политике династии эти разные народы научились смотреть друг на друга с недоверием и завистью, как на врагов, замечают англичане. Поэтому ни о какой гармонии не может идти речь.

Несмотря на наличие в Империи многих народов, особый акцент в журнальных публикациях делался на политику Вены в отношении Венгрии, которая представлена на страницах британских журналов аграрной страной, почти полностью лишённой обрабатывающей промышленности, в то время как западная половина Империи имеет промышленность, поддерживаемую соответствующим законодательством. В публикациях отмечалось, что в Венгрии правительство дешевле, чем в любой другой стране мира: все магистраты в городах и уездах имеют только номинальную зарплату. В Венгрии царит дух религиозной терпимости, которого нет больше нигде. Журналисты делали заключение, что она «<...> нуждалась в совершенно иной системе налогообложения, иных законах, общественных отношениях, привычках и обычаях, чем остальная Империя» [9, P. 520–521]. The Spectator хотел донести до своих читателей мысль о том, что венгры не желали полной независимости от Австрии, утверждая, что «в Венгрии даже высшие лидеры народа воздерживаются от необходимости отделения». Более того, подчеркивалось, что среди крестьянства всё ещё существует сильное католическое чувство, а также сильная неприязнь к тому, что они знают о прусских и лютеранских идеях. На позиции венгерских политических лидеров влиял ряд факторов, в том числе удачное географиче-

ское положение Австрии, страх перед славянской державой (т.е. перед Россией – Т. Г.), поэтому «Венгрия, даже после 1848 года, всё ещё не желает оставаться в одиночестве». Английские журналисты делали вывод о том, что более радикальные патриоты «по-прежнему просят не о новой династии, а об изменении политики в старой» [8, pt. 1. 9 Febr., P. 136]. Но при этом они очень чётко обозначали наличие серьезнейшей проблемы, т.е. венгерского вопроса, с которой Габсбурги должны были считаться. Еженедельник, можно сказать, предупреждал венское правительство, что Австрия должна опасаться «именно венгерской национальности, а не тирольского недовольства». По их мнению, потерять Венгрию означало для Австрии потерять ее императорский титул, погрузиться в герцогство меньшее, чем Пруссия, менее густонаселенное, чем Италия. А опасность потерять Венгрию действительно существовала» [8, pt. 1. 9 Febr., P. 136]. В свою очередь, The Spectator приводит слова Антона фон Шмерлинга, австрийского министра государственного строительства, который очень точно определил политику Венского правительства в отношении Венгрии, сводившуюся к тому, что «Австрия относится к Венгрии не как к стране с конституционной историей и правами, а как к завоеванной стране, чьи единственные политические права являются благами императорской милости и датируются дипломами октября и февраля прошлого года» [8, pt. 2, 7 Sept., P. 974]. И, следовательно, венгры должны радоваться тому, что им дарует Вена. Таким образом, английскому читателю преподносятся все аргументы для обоснования обострения национального вопроса в империи.

На рубеже 1860–1861 гг. в Империи, и в Венгрии, в частности, антиавстрийские настроения усиливаются. Британский еженедельник The Spectator писал, что десять лет военного деспотизма закончились тем, что, с

одной стороны, более лояльные народы, или, как англичане называли, «национально-сти», заняли позицию «отчуждения», а с другой – наблюдается единодушие тех народов, которые ранее были враждебно настроены друг против друга. В одном из сентябрьских номеров этого журнала приводится довольно показательный пример таких настроений: «<...> те провинции Австрии, которые больше всего стремились помочь имперскому заговору против Венгрии в 1848-49 годах, теперь так же, как и сама Венгрия, утвердились в своей решимости противостоять навязанной им централизации. Елачич, вице-пан Хорватии и брат знаменитого пана, который со своими хорватами спас Австрийскую империю от разрушения в 1849 году, публично заявил в Хорватском сейме, что он предпочел бы быть под властью турок, чем под властью абсолютизма цивилизованных наций, и за эту речь он был отстранен от своего поста и получил приказ поселиться в самом сердце Богемии» [8, pt. 2, 7 Sept., P. 974]. А применительно к Венгрии высказывалось предположение, что если бы Венгрия снова смогла восстать, то у нее было бы больше шансов на то, что ее армию возглавит Елачич, чем армии австрийских завоевателей [8, pt. 2, 7 Sept., P. 974].

Венгерский историк Л. Котлер считает, что массовое недовольство венгров было настолько мощным и достигло такой остроты, что «период этот стали называть «маленькой революцией». Во-первых, венгры не приняли Октябрьский диплом, считая его «неприемлемым» и выступая за восстановление конституционного устройства 1848 года как «базового» [4, С. 94]. Во-вторых, аналогичная реакция венгров была и на новый конституционный документ «Февральский патент» 1861 года. Венгрия не хотела мириться с положением даже привилегированной провинции и «требовала признания «исторических прав», т.е. «коронования Франца Иоси-

фа короной Св. Стефана, восстановления конституции 1848 года и воссоединения с Венгрией отнятых у нее после революции Трансильвании и Кроации (Хорватии)» [1, С. 13]. Австрийский парламент – рейхсрат – не мог полноценно работать, поскольку венгры, а вслед за ними хорваты, итальянцы, чуть позднее чехи и поляки покинули его, а конфликт по нерешенным финансовым вопросам привел к выходу из него и австрийскую либеральную партию [1, С. 13]. Империя явно переживает кризис, который, как отмечал Westminster Review, затрагивает не только Венгрию и остальную Империю, но и само существование Австрии как таковой. Венгрия возглавила в рассматриваемый период агитацию, потому что она дальше других продвинулась в свободных учреждениях, а за ней более или менее последовали все другие провинции. «Национальная жизнь и самоуправление – лозунг в каждой провинции, и агитация решительно антиавстрийская» [9, P. 522], – констатирует журнал. Однако политика Вены на ослабление антиавстрийских настроений к осени 1861 года не увенчалась успехом.

Анализ публикаций в британских журналах дает основание полагать, что в целом требования венгров находили понимание у их авторов. Обращаясь к английскому читателю, The Spectator задается вопросом, разве может какой-нибудь англичанин, каким бы консервативным он ни был, упрекнуть венгров в том, что они могли допустить, что революция (революция в Венгрии 1848–1849 гг. – Т. Г.) отменила всю конституционную историю предшествующих столетий, что «грубое и неконституционное австрийское угнетение, вызвавшее эту революцию, должно быть вознаграждено отменой всех обещаний, данных Коронай народу, а сам акт самозащиты должен быть наказан потерей всех прав, которые народ вырвал у Короны». Журнал явно осуждает австрийскую политику в отноше-

нии венгров, называет ее «безумной», особенно когда речь заходит о навязывании им «неопробованной австрийской Конституции» путем преднамеренного оскорбления «единственной испытанной и исторической Венгерской конституции» [8, pt. 2. 7 Sept., P. 974].

Критика антивенгерского курса Габсбургов становится более острой в британских журнальных публикациях конца 1861 года. Связано это было с тем, что 22 августа император Франц Иосиф издал указ о роспуске венгерского Государственного собрания, а 5 ноября Правительство объявило официально о прекращении «конституционного правления». В Империи был восстановлен автократический централизм, известный как «провизориум Шмерлинга», поскольку именно Шмерлинг встал во главе него. Он рассматривался как временная мера до тех пор, пока венгры не согласятся участвовать в работе имперского парламента. Фактически в стране было введено чрезвычайное положение [Подробнее см.: 3, С. 222–223]. Этот акт Вены привел к еще большему обострению отношений двух сторон и вызвал осуждение как в самой Империи, так и за рубежом.

Серьезной критике подвергся сам император Франц Иосиф. И если в публикациях начала года Габсбургская монархия и ее представители оценивались сдержанно и, как выше отмечалось, даже позитивно, то в осенних номерах журнала *The Spectator* звучит уже неприкрытое осуждение политического курса императора. «Австрийский император объявил войну Венгрии», – констатируется в ноябрьском номере журнала. И англичане даже не могут понять, замечает еженедельник, что на самом деле означает осадное положение, распространяющееся на всю страну. А это означает, как пишет журнал, что «повсюду в Венгрии солдаты должны править, взимать налоги и вершить правосудие, втягивать в ряды конунгов, чтобы помочь угнетать своих соотечественников, и

убивать крестьян», а также «полную утрату всех привилегий, исчезновение всякой ценности в собственности, ежечасные угрозы, вечные страдания и несправедливость, все ужасы, отличающие царство террора, добавленные ко всем ужасам, присущим гражданской войне» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1221]. Вот такие картины рисуют британские журналисты о сложившейся ситуации в Венгрии в результате законов Франца Иосифа.

Что же касается самого императора, то он предстает перед британскими читателями правителем, на которого смотрели в 1848 году как на последнюю надежду по спасению династии, которого с 1849 года льстецы провозгласили «основателем Австрии, принцем, который, несмотря на бури революции, сохранил нетронутыми владения и политику своего дома». Однако он не оправдал их надежд, так как сорвал цели, которые ставила перед собой династия, к которой он принадлежал, и нанёс ей поражение. Ему вменяют в вину то, что он лишил Австрийскую империю богатейшей провинции, т.е. Ломбардии. «В течение двухсот лет австрийская кровь и сокровища расточались в стремлении завоевать итальянское господство, которое Франциск Иосиф отбросил в один час», – пишут журналисты. Династия гордилась своей армией, и в первом же походе был «разрушен ее боевой дух». Прежде династия действовала по принципу «разделяй и властвуй», а Франц Иосиф, «стремясь уничтожить различия, которые были его безопасностью», сделал всё, чтобы провинции стали едины «чувством ненависти» к Австрии. «Венеция и Венгрия наконец-то объединились, но именно в своем отвращении к нему (императору – *Т. Г.*)». И далее следует уничижительная характеристика Франца Иосифа: «Деспот и конституционалист, он потерпел неудачу в обоих своих качествах, и половина его подданных презирает свободы, отказ от которых превратил другую половину

в его серьезных врагов. Победенный в битве, обманутый в дипломатии, ненавидимый своим народом и презираемый своими братьями-деспотами, император решает одним великим переворотом превзойти все предыдущие неудачи и добиться, наконец, возмездия, которого он так долго заслуживал» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1221]. В деспотизме этих Габсбургов есть нечто такое, что будоражит кровь, как никакой другой деспотизм, заключает британский журнал. В его ноябрьской публикации приводится интересное сравнение политики монархических домов Европы. В ней отмечается, что другие дома совершали поступки как зло, но, по крайней мере, у них был мотив. Так, русские цари хотят завоевать весь мир, бонапарты «тиранизируют» во имя общества и цивилизации. Но у австрийцев «нет ни причины, ни мольбы, ни животворящей надежды: они уничтожают народы из личной досады и разрушают Империю, чтобы угодить священнику (Римскому папе? – *Т. Г.*)» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1221]. Таким образом, Австрия и ее правитель Франц Иосиф представлены английскими журналистами в довольно неприглядном виде.

Необходимо отметить, что журналисты не только освещали и комментировали происходящие в Империи события. В духе чисто британского менталитета они пытались давать австрийцам советы. Они писали: «...наше дело – не осуждать злодейство его (Франца Иосифа – *Т. Г.*) поступка, а указать на его безрассудство». А безрассудство императора заключается в том, что он не видит опасности со стороны Франции, на что и указывают англичане. «Самая большая опасность исходит от интриг Наполеона», – заявляли они. А также проводили мысль о том, что война между Австрией и Францией за итальянские земли неизбежна: «Из Тюильри уже намекнули, что путь в Рим лежит через Венецию». И в это время Франц Иосиф вводит военный режим в Венгрии, тогда как

именно венгры могли стать важной военной опорой в возможной войне с французами. The Spectator четко указывает на значение венгров для Австрии с военной точки зрения. По мнению журналистов, лучшей частью армейской обороны будет именно венгерская. Резервная армия должна быть сформирована из венгерских призывников, а Венгрия является единственной провинцией, которая могла бы пополнить военный сундук, – таков их вердикт. Но хотя, как они указывают, самая «насуточная потребность» Австрии – это союзы, император «отвергает тот, который удвоил бы его силу» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1222]. В этом проявляется недальновидность Франца Иосифа как представителя Габсбургской династии. Англичане настоятельно советуют австрийскому императору вернуть «мадьярам конституцию, которую его семья тысячу раз клялась соблюдать», и он сразу же вернет себе искреннюю преданность венгерского народа. Он не сможет иметь больше, если десять раз завоеует Венгрию, уверяют они. А Венгрия, «восстановив свою конституцию и обеспечив свои свободы национальной армией», охотно уступит своему королю контроль над своей дипломатией [8, pt. 2, 3 Aug., P. 834].

И еще на два небольших сюжета в публикациях английских журналов, посвященных австрийской проблематике, хотелось обратить внимание. С одной стороны, нередко в них можно встретить сопоставление австрийских проблем с британскими, т.е. обращение журналистов к историческому и политическому опыту своей страны, а с другой – интерес представляют их рассуждения о значении Австрийской империи для Европы в целом.

Во-первых, затрагивая вопрос о национальной силе и «независимости расы» (скорее, народа – *Т. Г.*), журналисты подчеркивают, что они и в Венгрии, равно как и в Англии, обуславливаются «изоляцией». Венгры

как «восточная раса», оказавшаяся среди различных рас и угрожаемая как со стороны Германской империи, так и со стороны «воинственным духом магометанства», должны были бороться за свое существование, и они выжили благодаря своей живучести [9, P. 510–511].

Во-вторых, журналисты, касаясь вопроса о начавшихся на рубеже 1860–1861 гг. в Империи волнениях, пытаются убедить своих британских читателей, что ничего страшного не происходит: аналогичные события были и в истории их страны. Они пишут, что в германских провинциях Австрии не происходит ничего такого, что не происходило бы неоднократно в Англии, в том числе в ней были выступления, какие имеют место в данный момент в Тироле, а «отвращение, испытываемое к Королевскому дому, не больше, чем неприязнь народа (английского – *Т. Г.*) к немецким наследникам королевы Анны». Более того, следовало заявить: если тирольцы угрожали восстанием, то ирландцы бунтовали снова и снова. Англия неоднократно набирала свои лучшие полки из ирландцев, которые у себя дома требовали войны против саксов, а за границей укрепляли господство последних во всех уголках мира [8, pt. 1. 9 Febr., P. 136]. И еще один факт из рассуждений английских журналистов можно привести как заслуживающий внимания. Критикуя Франца Иосифа за его недальновидную и «безрассудную» политику в отношении Венгрии, они заявляют следующее: «Представьте себе, что Англия объявляет войну Шотландии, в то время как Ирландия восстает и грозит вторжением, и мы имеем точную аналогию с австрийской ситуацией» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1222].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же касается позиции Великобритании в «австрийско-венгерском вопросе», то в британских журналах проводится мысль, что события в Австрийской империи стали до-

садной помехой (в международных делах – *Т. Г.*) и в интересах мира в Европе им надо положить конец. Все советы, которые давались Австрии, были ею проигнорированы, она делает всё, чтобы «привести в отчаяние и венгров, и итальянцев, не удовлетворяя даже других своих народов», следовательно, надо перестать ее поддерживать и позволить ее населению решать свои проблемы самостоятельно. «Принцип невмешательства есть в устах каждого в Англии, и это истинный принцип, с помощью которого можно решить проблему в Австрии в одиночку», – пишет *The Westminster Review*. Англия должна придерживаться «принципа невмешательства» [9, P. 825]. Необходимо иметь в виду, что британские правящие круги были заинтересованы в сильной Австрийской империи. В частности, во время майских дебатов 1861 года в палате общин по австрийским событиям английские парламентарии высказывались за то, чтобы «в центре Европы существовало могущественное государство – государство, не только обладающее любовью и добрым нравом своих подданных», но и имеющее сильное в управлении страной правительство [7, Col. 1863]. Английские журналисты также в своих публикациях подчеркивали роль и значение Австрийской империи для Европы. «В ценности сильной Австрии для европейской системы не сомневается ни один дальновидный государственный деятель. Занимая центр Европы, на полпути между Россией и Францией, между самодержавием и революцией, Австрийская империя в любой великой континентальной борьбе должна сохранять равновесие сил», – дает оценку *The Spectator*. Более того, в журнале утверждалось, что внешняя политика Австрии не была уж столь агрессивной, как представляется. «Управляемая <...> семьей без гения через аристократию, без иностранных амбиций, австрийская политика имела тенденцию к некоторому ленивому спокой-

ствию, нарушаемому только потрясениями непокорных наций, сжатых под ее свинцовым правлением». Фактически она была своеобразным буфером, «разделяющим противоборствующие силы». И как отмечает журнал, английские «государственные мужи» боятся, что этот буфер будет разрушен, а Империя может разбиться на кусочки. Кстати, журнал критикует лорда Пальмерстона как главу британского правительства за то, что он, провозгласив принцип невмешательства в австрийские дела, выступает за «мирное урегулирование» проблем с Венгрией. Хотя, как пишут журналисты, известно, что «мирное урегулирование» вопроса означает «подчинение Венгрии несправедливым требованиям» (со стороны австрийцев – Т. Г.) [8, pt. 2, 3 Aug., P. 833–834]. Империя Габсбургов нужна Европе как противовес Франции и России, и, хотя опасность со стороны последней «в настоящее время химерична», Австрия со своим недовольным народом не сможет защитить от них Европу.

Вот такое восприятие Австрийской империи 1861 года и ее императора Франца Иосифа формировалось у жителей Британских островов благодаря разносторонним публикациям в английских периодических изданиях.

Библиография:

1. Василевский Л.М. Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы: Очерк. – СПб.: Типография С.М. Проппера, 1906. – 64 с.
2. Исламов Т.М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 11–40.
3. История Венгрии. В 3 т. – Т. 2 – М.: Наука, 1972. – 599 с.
4. Котлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – М.: Весь мир, 2002. – 565 с.

5. Котова Е.В. Габсбургская монархия в XIX веке: от абсолютистской империи к конституционному государству // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. – М.: Наука, 2014. – С. 504–526.

6. Монархи Европы. Судьбы династий / Ред.-сост. Н.В. Попов. – М.: Республика, 1996. – 623 с.

7. Hansards Parliament Debates. – 3S. – London – 1861. – Vol.162.

8. The Spectator. – London – 1861 – Vol.34. – Pt.1–2.

9. The Westminster Review. – London – 1861 – Vol.75 (Jan-Apr 1861).

References:

1. Vasilevskiy L.M. Avstro-Vengriya. Politicheskiy stroy i natsional'nyye voprosy [Austria-Hungary. Political system and national issues]: Oчерk. - SPb.: Tipografiya S.M. Proppera, 1906. – 64 s. (In Russ.).
2. Islamov T.M. Imperiya Gabsburgov. Stanovleniye i razvitiye. XVI-XIX vv. [Empire of the Habsburgs. Formation and development. XVI-XIX centuries] // Novaya i noveyshaya istoriya. – 2001. – №2. – S.11-40. (In Russ.).
3. Istoriya Vengrii [History of Hungary]. V 3t. – T. 2 – М.: Nauka, 1972. – 599 s. (In Russ.).
4. Kotler L. Istoriya Vengrii. Tysyacheletiyе v tsentre Yevropy [History of Hungary. Millennium in the center of Europe]. – М.: Ves' mir, 2002. – 565s. (In Russ.).
5. Kotova Ye.V. Gabsburgskaya monarkhiya v XIX veke: ot absolyutistskoy imperii k konstitutsionnomu gosudarstvu [The Hapsburg Monarchy in the 19th Century: From an Absolutist Empire to a Constitutional State] // Vsemirnaya istoriya. T.5. Mir v XIX veke: na puti k industrial'noy tsivilizatsii. – М.: Nauka, 2014. – S.504–526. (In Russ.).
6. Monarkhi Yevropy. Sud'by dinastiy [Monarchs of Europe. The fate of dynasties] / Red.-

sost. N.V. Popov. – M.: Respublika. – 1996. – 623s. (In Russ.).

7. Hansards Parliament Debates. – 3S. – London – 1861. – Vol.162. (In Engl.).

8. The Spectator. – London – 1861 – Vol.34. – Pt.1-2. (in Engl.).

9. The Westminster Review. – London – 1861 – Vol.75 (Jan-Apr 1861). (in Engl.).